

МЕДИНА ЭЛЬДАРОВА

М И Н И А Т Ю Р Ы

Забыв о лете

Зима в том году выдалась очень холодной для наших южных краев. Дни напролет шел снег и, что удивительно, ложился на землю, не таял. Ночью стояли морозы, к утру узорчато леденели окна застекленных веранд, столь милых для южан, но абсолютно непригодных для суровых зим. Дома отапливались плохо, люди мерзли, обогревая себя и жилища, как могли. Закупалась или доставалась откуда-то теплая одежда, включались обогреватели всех мастей, запечатывались двери во все комнаты, дабы сохранить бесценное тепло. Сразу возникли проблемы с электричеством, газом, отоплением, транспортом, дорогами, здоровьем. Люди с головой ушли в борьбу с морозами, холодами, зимними невзгодами. Ушли настолько, что совсем не вспоминали о лете, забыли о нем, о его тепле, естественном, природном, земном.

Оно само напомнило о себе в один из дней, неожиданно сверкнув холодным еще солнцем, оттаявшими окнами, робкой капелью и слякотью, в которую у нас очень быстро превращается снег. Люди вдруг очнулись, оживились – ведь есть же лето! А мы все о зиме, да о зиме... Есть лето, что скоро нас согреет без усилий с нашей стороны, лето, которое просто щедро даст нам всем тепло...

И обычное лето, естественное, само собой разумеющееся тепло его люди приняли на этот раз как дар, как заслуженную награду после битвы с суровой зимой. Это было прекрасно...

Балкон

Июньским вечером дышалось легко и приятно. Солнце едва закатилось. Прохлада нежила лицо после жаркого дня. По дороге к дому, в соседнем дворе, уютном и старом, балкон в глубине угла предпоследнего этажа бросался в глаза. Дома здесь давно обжитые, стоят в каре, обрамляя двор. Со всех сторон окна, квартиры, балконы. Где-то люстры зажигаются, высветывая затейливые узоры тюля, где-то сушится белье, кто-то смотрит в окно, сосед по телефону говорит, музыка где-то звучит, телевизор вещает свое, постукивают тарелки на кухнях, готовится ужин, запахи, звуки, – словом, жизнь происходит. Лишь этот балкон в углу заброшен, оставлен, темен, безжизненно тих. К тому же полон серо-черных ворон, неподвижно сидящих, втянув головы в плечкрыла. Зловещий контраст, зияющая дыра, безмолвный пронзительный крик. От балкона дохнуло холодом, темнотой, другими мирами, другими измерениями. И столько всего было в этой картине с застывшими птицами на неухоженном балконе нежилой квартиры, в этом присутствии и поведении выдавших виды птиц. Такая глубина и неизбывная тоска и осознание момента, принятие и утверждение жизни и отсутствия ее, как есть. Слетелись вороны к ночи на заброшенный балкон. Поскорбеть, помолчать, о суетности бытия помудрствовать, народ попугать, урок преподать, напомнить о важном, подпитаться теплом людского жития-бытия, заполнить со смыслом, а не просто так, зияющую молчаливым криком пустоту неблагополучного балкона, да и просто переночевать. Как знать. Эта емкая, уходящая в мыслимые и немыслимые глубины сущего картина на исходе благополучного летнего дня просто потрясала. Захотелось прибавить шаг, поспешить домой, полить цветы на балконе после жаркого дня, оставив в покое ворон и балконы соседнего двора, у нас у всех свои дела.

Перелетная птица

Птица перелётная с весной прилетает, по осени в стаи сбивается и улетает, ни зимы, ни горя не знает. Песню поёт, как солнце взойдёт, днём еду добывает, время придёт, гнездо совьёт, птенцов поднимает, всё время щебечет, поёт и летает, летает, летает. А то, что на два края живёт, ее не смущает. Видимо, знает, что земля у всех одна, и небо везде одно, везде родное и своё. На всё, что ей нужно, птичьих мозгов хватает, и человеческий фактор никак не мешает. Птица всегда при деле, знает, что, когда и как. Она живет с этим миром в унисон, она – его часть, со всеми перелётами, тёплыми странами, природными инстинктами и птичьими мозгами. Ей так назначено, так определено, вот и всё. Птичка Божия не думает, не гадает, но как чуть или если что, у неё есть крылья, и она летает, летает, летает.

Незнакомки

Сегодня утром высоко в небе кружили необычные птицы. Возможно, необычные только для меня. Они не были похожи ни на одну из известных мне птиц. Заостренные вытянутые крылья, хвост, тонкий нос, и во всем силуэте округлость. Летнее утро оказалось неожиданно пасмурным. Светло-серое небо с редкой голубизной и стайка темно-серых незнакомых крылаток. Они были высоко. Горлинки летали низко, от дома к дому, от балкона к балкону, большие голуби-сизари сидели, нахохлившись, на карнизах, воробьев и ворон не было видно вообще, черный дрозд прятался в густой кроне вяза, изредка тихонько пробуя голос. Даже стрижи не носились стремглав, как обычно. Птицы-незнакомки покружили немного и улетели неспешно куда-то на север. Так красиво и странно все было, как будто приоткрылась жизнь какая-то другая, запредельная, жизнь надо всем, что знакомо, известно, обычно.

Пасмурным утром кружили в небе необычные птицы. Конечно, они с нашей планеты, из леса, с озера за Синими горами или с соседнего континента. Я их не знаю, просто люблю смотреть на птиц в высоком небе и скоро, возможно, узнаю, что это были, к примеру, обычные бакланы с морского побережья.

Изнанка и лицо

Случается порою так, что рок глумливый или насмешница-судьба сыграют шутку, и ты на людях вдруг в одежде наизнанку, в прямом или переносном смысле. Изнанка ж, как известно, есть у всех, всего и вся. У жизни каждой есть лицевая и есть изнаночная сторона. Чем дальше они друг от друга, тем тяжелее жить. Чем ближе, тем больше ты в ладу с собой. В идеале они, наверное, сливаются в одну линию, к чему, как к любому идеалу, можно лишь стремиться, но достичь – никогда.

Один из сайтов рукоделия по вязанию в инете называется *Все в мире связано*. Хорошее такое название, простое, понятное, глубокое. Все связано, все не случайно, не скрыть ни узелка, ни неверного стежка. Изнанка всему обратная сторона. Те, кто занимается ручной работой, лучше других знают, чем больше изнанка приближена к лицу, чем аккуратнее, тем идеальнее, прекраснее работа, будь то вышивка, вязание, шитье, или жизнь сама. Порой судьба смеется, забавляется, играет, и вот ты на людях в одежде наизнанку. Не смертельно, не критично, но очень токсично, когда изнанка жизни на виду, когда она груба и неопрятна, и от лица так далека, и мечется меж ними неприкаянно душа. При всем при том изнанка и лицо физически близки до-нельзя, фактически они – одно, никоим образом не делимое целое.

Доброе утро

Всегда не хватает утра, рассветной тишины, свежести, прохлады. Не хватает, как бы рано ни встала. Не хватает начала дня, его очень мало. Небо светлеет, утро лучится, тают звёзды, просыпаются птицы. Все так юно, свежо и прекрасно, целый день впереди. Предвестие, ожидание, предвкушение – начало доброго счастливого пути. Все так оптимистично поутру и быстротечно. А позже ... нам бы день простоять, нам бы ночь продержаться и снова утром наслаждаться.

Неведомый тебе

Малая, очень малая толика света, пространства, капля воды, крупичка земли, человеческой массы, толпы, это я, моя вселенная. И меркнет свет, и съёжилось пространство, и высохла капля воды, стала пеплом крупичка земли... Спасительная брезжит мысль о том, что у всего есть высший смысл, неведомый тебе. Когда в конце конец. Когда надо его принять и вариантов нет. Ни распутья, ни выбора, просто конец. И уже не работает «Никогда не говори никогда» или «Выбор есть всегда». Можно, как в бездну лететь, «никогда» прокричать, и чуда не ждать. Есть конец, есть никогда, и какая-то беспомощная мысль о том, что во всем, наверное, есть какой-то высший смысл.

Достойные небес

Трудно писать о том, что очень люблю, а о тех, кого люблю, и вовсе не могу. И ответственность высока, и масса чувств, и лексика самого богатого языка не в состоянии выразить всего, что есть в родных и близких, ныне здравствующих и, тем более, ушедших дорогих. Невозможно описать их глубину и свет, всю многогранность ипостасей, даже не вторгаясь в область чувств и значимости лично для тебя. А выбирать моменты или что-то главное – все равно, что ограничить безграничность. К тому же так называемое главное, основное, как и все остальное, относительно и очень субъективно. Думать о дорогих ушедших, вспоминать, переживать пережитое – запредельно тяжело. Писать о них, рассказывать – не хватит жизни, столько всего, слов таких нет, все тщетно и бледно: уходит целый мир, глубокий, бесконечный космос. Разве что извечные слова молитв, слова любви, прощения и благодарности, достойные небес.

Здесь и сейчас

Воспоминания – ты в прошлом, ты в будущем – мечты. Ты в настоящем – каждый шаг и каждый вздох, и каждый взмах ресниц, ты в настоящем – это здесь и сейчас, это жизнь, текущая сквозь тебя из будущего в прошлое, обращая в воспоминания мечты.